

О.И. Рогова

Богдан Хмельницкий

**Историческая повесть для
юношества**

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 93
ББК 63.3
О-11

О-11 **О.И. Рогова**
Богдан Хмельницкий: Историческая повесть для юношества / О.И. Рогова –
М.: Книга по Требованию, 2014. – 384 с.

ISBN 978-5-458-05890-2

ISBN 978-5-458-05890-2

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2014

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2014

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

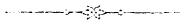

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

ОТЛАВЛЕНІЕ.

	стр.
Глава I. Въ дорогѣ	1
» II. Приглашенія. Вечерница	11
» III. Пиръ	24
» IV. Ловкій шпионъ	38
» V. Набѣгъ	47
» VI. Мечь	57
» VII. Наѣздъ	68
» VIII. Поединокъ Тюрьма	81
» IX. На сеймѣ и у короля	92
» X. Арестъ	106
» XI. Запорожская Сѣчь	118
» XII. Катря. У крымскаго хана	134
» XIII. Опять на Сѣчи	149
» XIV. Желтыя Воды	162
» XV. Корсунъ	185
» XVI. Гуша	208
» XVII. Тшетные переговоры	217
» XVIII. Новыя удачи казаковъ	229
» XIX. Выговскій работаетъ въ пользу воссоединенія съ Москвою	243
» XX. Королевскіе послы	254
» XXI. Збаражъ и Зборовъ	278
» XXII. Подъ Берестечкомъ	298
» XXIII. На распуты	322
» XXIV. Присоединеніе къ Москвѣ	338
» XXV. Послѣдніе дни Хмельницкаго	349

ГЛАВА I.

ВЪ ДОРОГѢ.

Та не має думи, та не має красе якт
въ васи на Віруши,
Та не має джа, та не має жана не має
уши.

Вечеръло. Легкій морозъ съ мелкимъ
шнсемъ окутывалъ угодые
Суботово, ажанше въ
шести верстахъ отъ города
Чигрина.

Мѣстечко это представ-
ляло не то панскую усадьбу,
не то зажиточный хуторъ,
имѣло видъ привѣтливый,

хозяйственный, и заѣзній путешественникъ сразу отличалъ
его отъ другихъ сосѣднихъ мѣстий. На пригорѣвъ возвыша-
лась небольшая, но красивая церковь съ причудливыми изги-
бами крыши и съ богатымъ золотымъ крестомъ. На сосѣд-

немъ бугрѣ расположился самый хуторъ, массивная каменная постройка съ узкими продолговатыми окнами, окруженная высокимъ валомъ съ каменною оградой. Множество хозяйственныхъ построекъ съ хлѣвами, конюшнями и амбарами свидѣтельствовали, что владѣлецъ былъ человѣкъ зажиточный. Въ саду видѣлось не мало плодовыхъ деревьевъ, тщательно укутанныхъ въ солому, а на дворѣ то и дѣло мелькали то коровница съ полными кринками молока, то батракъ съ торбами овса. Дальше, за пригоркомъ, разстлалось село съ чистыми, привѣтливими мазанками, уютно лѣнившимися между холмами. За сѣломъ тянулась дорога въ Чигиринъ, пролегавшая черезъ густой боръ.

На порогѣ панскаго дома показался человѣкъ средняго роста, могучаго тѣлосложенія, широкоплечій. На видъ ему можно было дать лѣтъ сорокъ, но въ дѣйствительности ему было уже подъ пятьдесятъ. Мужественное, полное энергіи лицо его, загорѣлое, открытое представляло смѣсь малороссійскаго и татарскаго типа. Немного большая голова, узкіе глаза и толстыя губы нисколько, однако, не мѣшали красотѣ смѣлости и уму, сквозившимъ въ каждой чертѣ этого лица. Прекрасные черные усы изящно спускались двумя кистями и отбѣляли блестящіе бѣлые зубы. Одѣтъ онъ былъ щеголевато, даже съ нѣкоторою роскошью. Кафтанъ польскаго покроя изъ тонкаго сукна плотно облегалъ его дородную фигуру, за роскошнымъ поясомъ были заткнуты дорогіе пистолеты французской работы, на плечи была накинута черная бурка, а голова покрыта шапкой-мисюркой. Одинъ изъ батраковъ подвелъ къ крыльцу красиваго коня татарской породы, съ огненными глазами, густою гривой, широкою грудью и длиннымъ хвостомъ.

Уѣзжавшій обернулся къ вышедшимъ на крыльцо женщинѣ и ребенку лѣтъ десяти, снялъ шапку и, кланяясь въ поясъ, по казачки, широкимъ размахистымъ поклономъ, сказалъ:

— Богъ да хранитъ васъ, Марша! До свиданія!

— Скоро воротится панъ Зиновій? спросила полная красивая казачка, отвѣщая тоже низкій поклонъ.

— Какъ Богъ дастъ! Засяжваться не буду.

— Смотри, тятя, привези гостинцу изъ города, вмѣшался мальчикъ, да не пряниковъ, а саблю, какъ общалъ.

— А если я саблю-то привезу пряничную? пошутить отецъ. Мальчикъ глянулъ на него нерѣшительно.

— Плетку бы ему хорошую! проговорила съ сердцемъ, какъ-то въ сторону Марина. Эдакой-то сорви-голова да съ саблей, пожалуй, еще бѣдъ натворить. Я попросила бы пана Зиновія приказать ему меня слушаться. Сладу съ нимъ нѣтъ совѣтъ!

Отецъ строго посмотрѣлъ на сына.

— Слышь ты, сказалъ онъ ему, и брови его сдвинулись. Марина тебѣ все равно что мать, да и будетъ скоро матерью, какъ только я женюсь на ней. Не станешь ее слушаться, такъ и впрямь казацкой плети попробуешь.

Мальчикъ злобно глянулъ на женщину, сжалъ кулаки, но промолчалъ.

Панъ Зиновій ловко всочилъ въ сѣдло и поѣхалъ легкою рысью по Чигиринской дорогѣ.

Длинные косыя тѣни ложились въ лѣсу отъ высокихъ деревьевъ. Сквозь легкую дымку морознаго воздуха тускло свѣтила луна. При этомъ слабомъ блѣдномъ освѣщеніи все принимало инныя формы, и лѣсъ казался наполненнымъ таинственными призраками. Трусливому путнику, навѣрное, погрезнились бы и русалки, и лѣшіе, и упыри; но Зиновій Хмельницкій не былъ изъ числа трусливыхъ, ему и въ голову не приходило думать о чемъ либо сверхъестественномъ; да и вообще онъ, повидимому, не замѣчалъ окружавшей его природы. Его волновали вполне опредѣленныя думы и притомъ не особенно веселыя. Брови его то и дѣло хмурились, въ глазахъ вспыхивалъ недобрый огонь, а губы были плотно сжаты.

Вдругъ гдѣ-то впереди послышался пронзительный крикъ: «Ой, ратуйте, ой, ой!» Зиновій съ удивленіемъ поднялъ голову, пріостановилъ коня и прислушался:

— Это на дорогѣ! вполголоса проговорилъ онъ. Должно быть за поворотомъ, а можетъ и ближе.

Онъ прищипорилъ коня и поскакалъ впередъ.

Вдали послышался неясный топотъ и голоса. Чуткое ухо

Зиновія ясно различало, что навстрѣчу ему несло нѣсколько всадниковъ. Онъ снова пріостановился и нащупалъ пистолеты. Прошла минута, другая, и изъ-за виднѣвшагося шагахъ во ста поворота показались одинъ за другимъ четверо всадниковъ, скакавшихъ во всю прыть.

На всякій случай Зиновій вынулъ изъ кобуры пистолеть но, взглядѣвшись хорошенько, въ удивленіи опустилъ руку.

— Панъ Данило! закричалъ онъ: гей, панъ Данило! Куда тебя несетъ?

Но панъ Данило только тревожно оглянулся; очевидно, узнавъ Зиновія, онъ сдѣлалъ, однако же, видъ, что не замѣтилъ его, и проскакалъ дальше. За нимъ прослѣдовали и трое другихъ всадниковъ и черезъ нѣсколько секундъ скрылись изъ виду.

— Фу ты! сердито сплюнулъ Зиновій. Что за напасть? Татары что ли за нимъ гонятся? Да не слыхать что-то!..

Онъ нервно дернулъ коня и поскакалъ дальше, осторожно посматривая по сторонамъ. Проѣхавъ съ версту, привычнымъ взглядомъ замѣтилъ онъ на одномъ изъ деревьевъ что - то черное, медленно покачивавшееся, бросавшее длинную невѣрную тѣнь на снѣжную дорогу.

— Господи, Иисусе Христе! прошепталъ онъ и перекрестился. Да это удавленникъ!

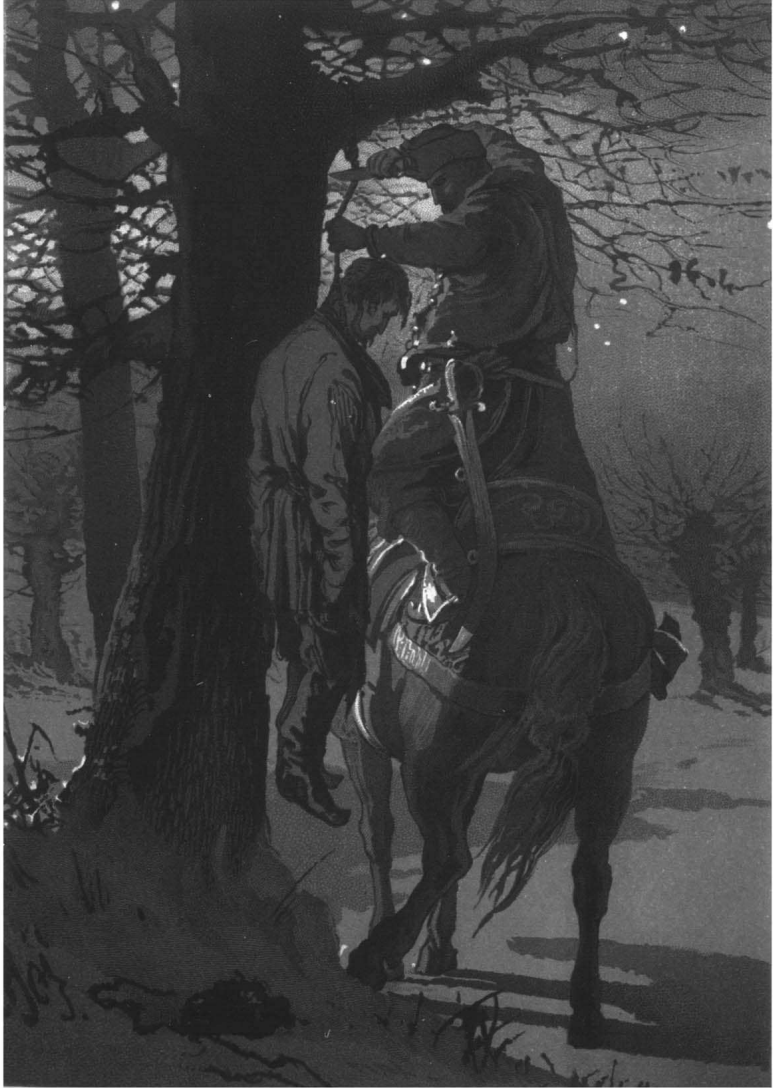
Потомъ быстро сообразивъ что-то, прибавилъ:

— Эге, да ужъ не проказы ли это кума Данила? На такія дѣла онъ мастеръ, не даромъ какъ заяцъ улепетывалъ...

Говоря это, онъ подѣхалъ къ раскачивавшемуся на толстомъ суку тѣлу, хладнокровно повернулъ его къ себѣ лицомъ, всмотрѣлся и замѣтилъ:

— Незнакомый! Однако руки-то у него еще теплыя...

Ловко всталъ онъ въ стремяхъ, вынулъ изъ-подъ кафтана охотничій ножъ, прихватилъ лѣвою рукою кожаную веревку и однимъ взмахомъ перерѣзалъ ее. Тѣло закачалось у него въ рукѣ, но онъ удержалъ его и тихонько спустилъ на землю. Потомъ слѣзъ съ коня, освободилъ петлю, разстегнулъ сѣрую суконную свиту и сталъ растирать удавленному грудь.

— Молодой еще! сказалъ онъ тихо. Должно быть запорожець...

Ему пришлось повозиться съ четверть часа; наконецъ казакъ проявилъ нѣкоторые признаки жизни, слабо шевельнулъ рукою и конвульсивно захрипѣлъ, сляясь вздохнуть. Зиновій вытащилъ изъ-за пазухи флягу съ виномъ, разжалъ ротъ казака и влилъ ему нѣсколько капель горилки.

— Вотъ сейчасъ посмотримъ, замѣтилъ онъ, христіанская ли у тебя душа. Если ты истый казакъ и добрый христіанинъ, горилка непременно должна помочь.

Молодой запорожець оказался истымъ казакомъ и черезъ минуту открылъ глаза. Онъ со страхомъ и удивленіемъ озирался вокругъ, но не могъ еще говорить. Зиновій приподнялъ его, далъ ему хлѣбнуть еще глотка два изъ фляги и, придерживая его одной рукою, продолжалъ растирать ему грудь и горло. Посинѣлое лицо запорожца мало по малу отошло и поблѣднѣло. Онъ нѣсколько разъ глубоко вздохнулъ и хрипло прошепталъ:

— Гдѣ я?

— Все тамъ же, друже, гдѣ и былъ, весело проговорилъ Хмельницкій, а угодить бы тебѣ сегодня на тотъ свѣтъ, если-бъ не я.

— А гдѣ же тѣ? со страхомъ спросилъ запорожець, снова озираясь.

— Эти, что вздернули-то тебя? Ихъ, братъ, и слѣдъ протылъ. Панъ Данилко блудяивъ, какъ кошка, а трусливъ, какъ заяць.

— А ты его знаешь? спросилъ казакъ, понемногу приходя въ себя и усаживаясь.

— Кума-то Данилу? Еще бы не знать, это мой первый другъ и пріятель! съ усмѣшкою отвѣтилъ Зиновій. — Думаю, что онъ съ охотою вздернулъ бы и меня, какъ тебя, да только руки не доросли, коротки.

Казакъ съ удивленіемъ посмотрѣлъ на Хмельницкаго, помолчалъ немного и затѣмъ проговорилъ съ чувствомъ:

— Спасибо тебѣ, добрый человѣкъ, кто бы ты ни былъ,

панѣ ли, казакъ ли, по гробъ не забуду твоей услуги, вѣчный тебѣ слуга!

Потомъ, какъ бы припомня что-то, онъ схватился за голову и застоналъ:

— Охъ, горе мое!

— Что съ тобою? удивленно спросилъ Зиновій.

— Конь мой, конь мой! угнали они его съ собой! Вѣрный ты мой Бурко, что я теперь буду безъ тебя дѣлать!..

— Ну, это ты, другъ мой, ошибаешься, замѣтилъ Зиновій, Бурко, вѣрно, отъ нихъ тягу далъ. Я ихъ встрѣтилъ всѣхъ четверыхъ, пятаго коня съ ними не было.

— Не было, говоришь ты! съ радостью почти вскрикнулъ казакъ, схвативъ Хмельницкаго за руку. Не было? Ну, значитъ, онъ имъ не дался. А не дался, такъ прибѣжить, тотчасъ на мой зовъ откликнется.

Онъ поднялся на ноги, поддерживаемый Зиновіемъ, и нѣсколько разъ пронзительно свиснулъ. Вдали изъ чащи раздалось протяжное ржаніе.

— Бурушко мой! крикнулъ казакъ. Вѣдь это онъ... Вотъ увидишь, тотчасъ прибѣжить.

Онъ свиснулъ еще и еще разъ, и каждый разъ отвѣтное ржаніе слышалось ближе и ближе, наконецъ пронесся и топотъ. Бурко скакалъ во весь духъ черезъ поляну къ своему хозяину.

— Ахъ ты, мой дружище! воскликнулъ запорожецъ, обнявъ коня за шею, когда онъ передъ нимъ остановился, фыркая и подергивая ушами. — Золотой ты мой! Цѣны тебѣ нѣтъ!

Конь весело терся о щеку запорожца своею умною мордою и съ удалствомъ потряхивалъ гривую.

— Добрый у тебя конь, проговорилъ Зиновій, съ видомъ знатока посматривая на высокія тонкія ноги и нервную жилистую шею.

— Самъ, вѣдь, я его выходилъ, выходилъ, рассказывалъ запорожецъ, усаживаясь въ сѣдлѣ и подбирая поводъ. — Жеребеночкомъ онъ мнѣ еще достался. Такой онъ умный, все равно, что человѣкъ. А силаща непомѣрная! Въ битвѣ какъ-то наналъ на меня пѣшій татаринъ, а онъ какъ хватить его зубами за поясъ, да какъ тряхнетъ головою, да бросить его о камень.

у татарина и духъ вонъ. Одна бѣда, задорливъ больно. Вотъ и нынче у меня изъ-за него ссора началась.

— Это съ Чаплинскимъ-то? Какъ? спросилъ Хмельницкій.

— Да такъ. Мой Бурко ни за что чужому коню дороги не уступить, хоть убей его! Когда онъ идетъ, всякій конь сторонись. Ѣдемъ мы съ нимъ сегодня, а тутъ какъ на грѣхъ этотъ панъ навстрѣчу, на охоту ѣдетъ. Кричитъ мнѣ: «Прочь съ дороги!» Я бы и своротилъ, да Бурко ни назадъ, ни впередъ, шагаетъ прямо на пана и знать ничего не хочетъ. Тотъ взбѣсился, хватилъ его по мордѣ нагайкой, а Бурко взвился на дыбы, опустился и хватъ пана за ногу. Разсвирѣпѣлъ панъ, какъ крикнетъ: «Вздернуть его!» Я и опомниться не успѣлъ, схватили меня слуги и поволокли къ дереву; самъ панъ съ пояса веревку снялъ...

Лошади тронулись. Всадники ѣхали шагомъ. Запорожець молчалъ. Зиновій обратился къ нему съ вопросомъ:

— А ты знаешь пана Чаплинскаго?

— Я то его знаю, а онъ меня не знаетъ.

— Какъ же это такъ? спросилъ Хмельницкій.

Запорожець вздохнулъ и, помолчавъ немного, проговорилъ:

— Вижу я, что ты добрый человекъ, иначе ты бы меня отъ смерти не спасъ, да боюсь душу тебѣ открыть. Коли онъ твой пріятель, какъ бы чего не вышло дурнаго.

— Ну, ладно! небрежно сказалъ Зиновій, я до чужихъ дѣлъ не охотникъ. — А давно ты изъ Сѣчи?

— Да вотъ ужъ съ недѣлю будетъ, какъ выѣхалъ, заѣзжалъ тутъ еще по дѣламъ...

— Что же у васъ на Сѣчи слышно? спросилъ Хмельницкій.

— Вамъ, панамъ, я думаю, не больно занятно слушать про наши казацкія дѣла, недовѣрчиво отвѣтилъ запорожець.

— Панамъ - то, можетъ, и не занятно, да я не панъ, а казакъ. Быть можетъ ты на Сѣчи и слыхалъ про Богдана Хмельницкаго, такъ вотъ я самъ и есть.

Казакъ оторопѣлъ.

— Батюшка, Богданъ Михайловичъ! Вотъ привелъ Богъ и мнѣ тебя увидѣть.

Богданъ самодовольно улыбнулся.

— А что? спросилъ онъ. Развѣ слышалъ про меня что доброе?

— Да за послѣднее время, почитай, только и разговоръ, что про тебя.

— А что про меня говорятъ?

— Да вотъ какъ ты тогда двѣ тысящи-то слишкомъ казаконъ въ эту Францію отпавилъ, между ними много и нашихъ было. Съ тѣхъ поръ твоя и слава у насъ пошла. Ужъ коли, говорятъ, онъ двѣ тысящи народу поднять могъ, подниметь и больше. Онъ самый такой человекъ, какого намъ и надо. Богомъ онъ намъ данный человекъ, говорятъ. Да и съ панами ты ладить, говорятъ, умѣешь, до самого короля доходилъ.

— Ну, это, положимъ, и не совсѣмъ такъ, вставилъ Богданъ. Съ королемъ я, правда, хорошъ, но съ панами, не могу сказать, чтобы очень ладилъ. Да и ладить-то съ ними не къ чему, прибавилъ онъ угрюмо. Идетъ уже, идетъ день судный черезъ Дикія поля, а какъ придетъ, весь свѣтъ Божій задивится. Плохо тогда придется панамъ, закаятся они хлопковъ изъ-за пустяковъ на деревья вздергивать.

Лице Богдана приняло мрачное и грозное выраженіе, глаза его метали искры, онъ будто выросъ, и простодушный запорожецъ невольно осадилъ своего коня. Но черезъ минуту грозное выраженіе исчезло съ лица Богдана, словно онъ страхнулъ съ себя тяжелыя думы и, обратившись къ запорожцу, ласково спросилъ его:

— А ты давно живешь въ Сѣчи?

— Она мнѣ, все равно, что мать, съ нѣкоторою гордостью отвѣтилъ казакъ, — вспоила меня и вскормила. Мнѣ и трехъ лѣтъ не было, какъ батько мой прѣхалъ со мною на Запорожье. Мать-то умерла, онъ больно затосковалъ, продалъ хуторъ и пошелъ къ запорожцамъ. Семь лѣтъ я уже ходилъ на татаръ. И твоего родителя покойника помню, славный былъ воика. Не разъ его въ битвахъ видѣлъ, а вотъ тебя такъ совсѣмъ не помню.

— Давно это было, проговорилъ задумчиво Богданъ, много воды съ тѣхъ поръ утекло. Постарѣлъ я, много невзгодъ видѣлъ, у однихъ татаръ сколько въ плѣну насидѣлся.